

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ
ДРАМАТУРГ

12 апреля 1823 года в Москве родился Александр Николаевич Островский, создатель русского национального театра, один из крупнейших деятелей в истории русской и мировой драматургии. Более 100 лет прошло с того дня, когда он впервые выступил в печати, более 60 лет — со дня его смерти, а пьесы его живут полной жизнью, увлекают своею правдой и человечностью, своим безупречным драматургическим мастерством, несравненным, ярким и характерным языком, своей подлинной и глубокой народностью. Театр Островского понят и оценен по достоинству только теперь — в наше советское время. Его пьесы составляют неотъемлемую часть репертуара всех театров нашей страны, играют ежедневно на десятках языков, смотрятся миллионами зрителей.

Царская, дворянско-буржуазная Россия, внешне признавая достоинства Островского, по существу чуждалась его, особенно в годы торжества реакции и господства антиреалистических течений в литературе и в театре. Безусловное и всенародное признание великого драматурга наступило лишь после Октября — это явление вполне естественно и закономерно: освобожденный народ признал своим, народным, писателя, постоянно мечтавшего о массовом, народном искусстве и неустанно работавшего для его создания.

Островский по справедливости считается основателем русского национального реалистического театра. За свою почти 40-летнюю литературную деятельность он создал 47 оригинальных пьес, не считая нескольких десятков переводов из мировой драматургии. Эти 47 пьес (если не все, то их подавляющее большинство) составили основной, золотой фонд русской драматургии второй половины XIX века.

Когда Островский выступил впервые, русский театр насчитывал уже более ста лет существования, дал несколько отдельных гениальных произведений Фонвизина, Грибоедова, Пушкина, Гоголя. Но все же театральная сцена 40-х годов заполнялась пустыми водевилями, подражательно-романтическими или ходульными «патриотическими» трагедиями, а больше всего — переводами и переделками второстепенных иностранных авторов.

Появление в печати в 1850 году первой большой комедии Островского «Свои люди — сочтемся», первоначально называвшейся «Банкрот», явилось большим событием для всей лучшей, передовой части общества. Вдумчивый наблюдатель, известный писатель В. Ф. Одоевский писал о «Своих людях»: «Я считаю на Руси три трагедии: «Недоросль», «Горе от ума», «Ревизор». На «Банкроте» я поставил номер четвертый». В этом пронзительном отзыве особенно нужно отметить слово «трагедия», которым Одоевский определяет комедийные произведения Фонвизина, Грибоедова, Гоголя и Островского: русская жизнь была такова, что правдивое ее изображение на сцене, как бы оно ни было комедийно по форме, неизбежно заключало в себе глубоко-трагический смысл. Так изобразил русскую жизнь и Островский.

Буржуазная критика, и особенно критика эстетическая, проводившая теорию «чистого искусства», видела в Островском лишь бытописателя, изобразителя ушедших в прошлое нравов купечества. Такой взгляд искажает характер творчества драматурга и снижает его значение. Конечно, купеческий быт, особенно в пьесах первой половины деятельности, изображен им необыкновенно ярко. Островский и сам называл себя Колумбом, открывшим новую Америку — неведомый в

литературе быт старозаветных купеческих семей: Большовых («Свои люди — сочтемся»), Торповых («Бедность не порок»), Брусковых («В чужом пиру похмелье»), Кабановых и Диких («Гроза»), Курслеповых («Горячее сердце») и многих других, с их замкнутостью, невежеством, самодурством, с их преклонением перед богатством и грубым пренебрежением к людям, материально от них зависимым. Но бытовой фон для Островского не есть самоцель, а только средство раскрытия психологии его персонажей, сама же психология обусловлена их социальным бытием, т. е. коренится в целом общественно-политическом строе.

Этот общественный смысл пьес Островского, значение его творчества как широкого обобщения русской жизни, глубоко понял и прекрасно раскрыл гениальный критик-революционер, демократ-шестидесятник Добролюбов, несмотря на то, что он знал едва лишь четвертую часть произведений драматурга. Критик увидел в них изображение всего «темного царства» русской жизни, увидел протест против бесправия и угнетения личности, призыв к освобождению ее.

Но этого мало. В пьесах Островского, писал Добролюбов, «дело представляется не с поверхности, а с самого корня... У него вы находите не только нравственную, но экономическую сторону вопроса, а в этом-то и сущность дела. У него вы ясно видите, как самодурство опирается на толстой мощи, как безответность людей определяется материальной зависимостью. Мало того, вы видите, как эта материальная сторона во всех житейских отношениях господствует над отвлеченною и как люди, лишенные материального обеспечения, мало ценят отвлеченные права и даже теряют ясное сознание о них...»

Нетрудно раскрыть глубокий общественно-политический смысл высказываний Добролюбова. И все дальнейшее творчество Островского, протекавшее после смерти критика (1861) уже в пореформенную эпоху, идет по тому же пути — по ме-

тоду раскрытия внутренних, глубоко-скрытых материальных пружин, двигающих психикой людей и их поступками.

Новый период русской жизни — период формирования буржуазных отношений после отмены крепостного права — расширяет и осложняет тематику пьес Островского. В ряде великолепных комедий и драм изображает он падение и разложение дворянства и победоносное наступление новой силы, хищнического капитализма. Богатые некогда помещики еще цепляются за остатки старого, жалеют об ушедшем крепостничестве, но уже распродают по частям имения («Лес», «Волки и овцы», «Бешеные деньги»), или прибегают к подлогам, к уголовным махинациям («Волки и овцы»); старый генерал, напуганный переменами, сочиняет трактат «о вреде всяких реформ вообще» («На всякого мудреца довольно простоты»); разорившиеся бары, привыкшие иметь дело лишь с «бешеными», нетрудовыми деньгами, беззаботно идут к своему концу, надеясь на наследство от «одинадцати бабушек и тетюшек» или на выгодный брак; иные уже опустились до положения кабатчиков завсегдатаев (Аполлон Мурзавецкий) или до «благородно» обставленной торговли собственными дочерьми (Огудалова-мать в «Бесприданнице»). А на смену падающему барству идет капитал, жадный, беспринципный, бездушный, захватывая и подчиняя себе все: и всевозможных «овец», безропотно дающих «волкам» заглатывать себя, и красивых невест, нужных мужьям-дельцам как хозяйки деловых и светских салонов («Бешеные деньги»), и женскую душу, ищущую любви и полноты жизни («Бесприданница»), и искусство с его восторженными, но беспомощными служителями («Таланты и поклонники»)...

Трагедия Ларисы, разгнанный в орлянку двумя богатыми хищниками, и, не имея духа броситься в Волгу, встречающей смерть от руки отвергнутого жениха как избавление от позора, — едва ли не ужаснее трагедии Катерины, нашедшей в себе силу само-

убийством сбросить с себя гнет «темного царства».

В своем глубоко критическом изображении пореформенной русской жизни Островский шел об руку с революционной демократией того времени — с Некрасовым и Салтыковым-Щедринным. Не случайно он, отвернувшись от прежних друзей славянофилов, стал уже с конца 50-х годов сотрудником «Современника». Позднее, в течение многих лет, почти ежегодно 1-й номер «Отечественных записок» Некрасова и Щедрина открывался новой пьесой Островского.

Но Островский не был революционером. Убеденный и последовательный демократ-разночинец, он одинаково отрицательно относился и к падающему крепостническому дворянству, и к побеждающему капитализму. Но он не видел ясных путей для коренного изменения русской жизни и искал новых людей, людей будущего, в среде разночинной либеральной интеллигенции, просвещающей народ, однако, не революционной (Мелузов в «Талантах и поклонниках»). Все его симпатии были на стороне мелких тружеников, людей умственного труда, пытающихся разумом пробить толщу самодурства (Кулигин в «Грозе»), или бескорыстно служащих искусству и среди звериного быта выказывающих высокие мысли и чувства, полные человечности и благородства (Несчастливцев в «Лесе»). Но образы протестующих, гибнущих в борьбе за человека, не мирящихся с окружающим людям, подобных Катерине в «Грозе», крайне немногочисленны в его творчестве, и Катерина — самый яркий из них.

От «темного царства» современной жизни Островский не раз уходил в далекое прошлое любимого им русского народа — в минувшие исторические эпохи и даже в сказочный мир. В области исторической драматургии он пошел не путем романтической драмы, подражающей французскому театру, но путем величавой пушкин-

ской трагедии, где главным действующим лицом является народ. Героем своей первой исторической хроники Островский делает «выборного человека земли русской» — Козьму Минина. Русская жизнь XVII века нашла в «Воеводе» глубоко социальное истолкование, овеянное дыханием народных восстаний, подобных восстанию Степана Разина. Фольклор, народная сказка, обряды и песни дали материал для одного из самых поэтических созданий русской драматургии — «Снегурочки».

Значение Островского для русского театра огромно. Последовательный и принципиальный реалист (что не исключает в нем некоторых черт своеобразной романтики, и не только в «Воеводе» или в «Снегурочке», но и в «Грозе»), он утвердил на русской сцене критический реализм, правду жизни — и не в смысле плоского натурализма тогдашнего западноевропейского театра, а в широком пушкинском понимании правдивости характеров, жизненности типов в типической и жизненно-верной обстановке.

Его пьесы были той школой, в которой воспитывался русский реалистический театр середины XIX века (в первую очередь — великодушная труппа Московского Малого театра), а сам он был учителем величайших русских актеров, включая таких, как Мартынов, П. Садовский, Федотов и Ермолова. Но главное — он хотел писать для широких народных масс, и признавал себя призванным к этому. «История», — писал он в конце своей жизни, — «оставила название великих и национальных только за теми писателями, которые умели писать для всего народа, и только те произведения пережили века, которые были истинно народными у себя дома».

Произведения Островского, ставшие достоянием всех освобожденных от «темного царства» народов Советского Союза, пережили многие годы — переживут и века. И мы по праву видим в нем великого народного писателя, гордость и славу русского народа.